

Г. Я. БУДКОВСКОМУ

Публикация В. Кулешова

Печатаемое письмо Герцена адресовано, как это явствует из имеющейся на подлиннике надписи, художнику-академику Густаву Яковлевичу *Будковскому* (1813 — 1884).

2 ноября 1859 г. проживавшие в Париже по командировке Российской академии художеств художники, в их числе и Будковский, письменно обратились к русскому послу во Франции гр. П. Д. Киселеву. Письмо содержало протест против «оскорбительного и неприличного» шпионского наблюдения, которому стали подвергаться художники со стороны некоего прибывшего из Петербурга агента по фамилии Васильчиков. Художники писали послу: «... мы долгом поставляем... довести до сведения вашего, что господин Васильчиков самовольно, без позволения нашего и даже в отсутствии некоторых из нас, посещал наши квартиры, осматривал наши произведения и осведомлялся об образе жизни и средствах наших у привратников». Письмо подписали академики Алексей Боголюбов, Штром и Будковский, классные художники Чернышев, Бейдеман, Щедрин, Кольман, Брюллов, Бучеров, Васильев, барон Клодт, Лагорио.

Письмо носило конфиденциальный характер и не предназначалось для печати. Оно появилось, тем не менее, в ближайшем же листе «Колокола», а именно — в листе 56, вышедшем в свет 15 ноября 1859 г. Публикация предвлялась указанием Герцена на источник, из которого редакция получила документ: «Мы читали в одной парижской газете, что граф Киселев получил следующее письмо...», далее был помещен текст.

Какая «парижская газета» напечатала заявление художников Киселеву и откуда получила она этот документ, установить не удалось. На основании публикуемого письма к Будковскому можно предположить, что священник русского посольства в Париже И. Васильев (в письме — «поп»), являвшийся агентом III Отделения, пустил слух, что заявление художников сообщил «парижской газете» Герцен. При этом, видимо, были высказаны догадки, что текст письма был добыт Герценом при помощи его двоюродного брата С. Л. Львова-Львицкого — впоследствии изменившего написание своей фамилии на Левицкий. Благонадежный российский подданный, часто и подолгу живавший в Париже, Левицкий был вхож в посольство и близко общался с художниками (см. примеч. к публикуемому письму).

«Клевете попа» художники не поверили. Но то обстоятельство, что Герцен счел необходимым энергично заверить своего явно взволнованного корреспондента о строгом соблюдении редакционной тайны в «Колоколе», позволяет думать, что, независимо от передачи письма неизвестным нам лицом в «парижскую газету», оно было сообщено самими художниками Герцену. Такой вывод находит себе косвенное подтверждение в том факте, что вслед за письмом художников Герцен напечатал в «Колоколе» (лист 60, от 1 января 1860 г.) еще одну корреспонденцию, также посвященную разоблачению полицейско-бюрократического произвола и шпионской слежки в Российской академии художеств. Корреспонденция, восходящая, повидимому, к тому же источнику, что и письмо к Киселеву, называлась «Академия художеств в осадном и иконописном положении» и заканчивалась словами о том, что в. кн. Мария Николаевна, в ту пору президент Академии (она упоминалась и в письме к Киселеву), «посылает Васильчикова подсматривать за художниками...» (X, 196).

23 дек<абря 1859 г.>

Park Home Fulham

Милостивый государь,

Спешу немедленно вас поблагодарить, что вы не поверили глупой клевете попа, о которой вы пишете. Хотя я и не поп, но предпринятое мною дело — дать голос русским страданиям — есть для меня священ-

нодейство. Я знаю мою обязанность относительно тех, кто посылает мне что б то ни было, а потому *ни одна строка, ни разу, никогда* не выходила из-под ключа, а чтоб не было много рукописей, я их жгу. Ни одно собственное имя не произносилось.

Мне кажется излишним поднимать это дело, вопреки желанию художников, — вы можете показать мое письмо.

Сверх всего остального я с г. Львицким никаких сношений не имею с 1846 года¹.

С истинным уважением

остаюсь

Ал. Герцен

Автограф (кроме надписи чужой рукой: «Академику Густаву Будковскому»). Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского гос. университета. — Впервые по неискорванной копии опубликовано М. К. Лемке (XXII, 124).

¹ Герцен ошибся в дате: разрыв отношений с Львицким произошел не в 1846 г., когда Львицкий находился за границей, а Герцен в России, а в 1848 или даже в 1849 г., когда оба они жили за границей и встречались друг с другом. Что отношения были прерваны и надолго, об этом свидетельствуют следующие слова Герцена из его письма к М. К. Рейхель от 13 августа 1861 г. (после того как Герцену было разрешено на несколько дней приехать в Париж к большой дочери): «Главное событие в Париже — замирение с Львицким» (XI, 170). Причина и обстоятельства, вызвавшие конфликт, документально не установлены. Скорее всего у Герцена возникли какие-то подозрения о связях Львицкого с III Отделением — подозрения неосновательные, вызванные, по видимому, лишь тем, что некоторые письма Львицкого 1848—1849 гг. попали в перлюстрацию и явились причиной начавшейся в III Отделении переписки о Герцене и наблюдения за ним (V, 260—261).

ЭМИЛИИ РИВ

Публикация Л. Ланского

Публикуемое письмо адресовано близкому другу и почитательнице Герцена, молодой англичанке Эмили Рив (Reeve, ум. 1865). В письмах к друзьям Герцен неоднократно писал о «замечательном уме» и редком образовании Рив. Но что особенно Герцен ценил в Рив, — это сочувственное отношение ее к молодой, революционной России, которую она, в противоположность большинству западноевропейских буржуазных деятелей, сумела отделить от самодержавной, официально-бюрократической России. Герцен утверждал, имея в виду Рив: «...полное понимание нашего вопроса я встретил *один раз* — и это не в мужчине, а в женщине и притом в англичанке» (XVIII, 130). В замечательном письме к Рив, включенном Герценом в цикл «Писем к путешественнику», Герцен отметил, что Рив почувствовала «*живые восторги*» под русскими снегами и отгадала, «что мрачный и немой мир наш не *отходил*, а *нарождался*» (XVIII, 131). О своем неосуществленном намерении изложить в серии писем, адресованных Рив, свою точку зрения на отношения буржуазного Запада к России Герцен сообщил в пятом «Письме к путешественнику» (XVIII, 130).

Осенью 1860 г., отправляя младшую дочь Ольгу с М. Мейзенбург в Париж, Герцен, по рекомендации последней, предложил Э. Рив занять место воспитательницы его старшей дочери — Таты. М. Мейзенбург писала по этому поводу в своих воспоминаниях:

«Герцен дал слово отпустить меня с Ольгой на зиму в Париж (<...>), но он хотел оставить старшую дочь дома и найти для нее подходящего человека. Я предложила для этой цели любимую мной и глубоко ценимую Герценом Эмилию Рив, которую считала вполне подходящей для того, чтобы руководить духовным развитием подрастающей девушки. Кроме того, я надеялась помочь Эмили Рив выйти из ее тесного домашнего круга в умственно равный ей мир. Герцен радостно согласился на это,